

Новые книги про 1917 год

7 ноября 2017 года отмечается 100-летие Октябрьской революции 1917 года (полное официальное название - Великая Октябрьская социалистическая революция, иные названия: "октябрьский переворот", "Октябрьское восстание", "большевистский переворот").

Драматические события 1917 года кардинально изменили путь исторического развития России, судьбы миллионов ее граждан, оказали влияние на ход мировой истории.

О том, что это было на самом деле, каковы были движущие силы, кто и почему организовал и произвел переворот - историки, политологи, социологи спорят до сих пор.

Когда тема обеих революций ушла из официальной повестки, исследователи смогли сконцентрироваться на науке, а не на политике. Несколько книг, вышедших в последнее время, не навязывают конструкты, не дают однозначных оценок, а пытаются восстановить контекст. Основываясь на дневниках, воспоминаниях, периодических изданиях, документах, историки разбираются с важными явлениями и событиями 1917 года.

Давайте познакомимся с новыми изданиями, посвященными октябрьским событиям 1917 года, которые вышли накануне юбилейной даты.

Мандель Давид. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 года – июнь 1918 года) / Давид Мандель. - Москва : Новый хронограф, 2015.

Имя Давида Манделя связано с амстердамским Международным институтом исследований и образования (IIRE) — авторитетнейшей организацией, занимающейся изучением мирового рабочего движения. Автор рассматривает отношение петроградских рабочих к событиям 1917 года. Отношение это менялось со временем, постоянным оно вовсе не было. Раньше рабочих представляли либо беспомощной недалекой массой, которой легко манипулировали проходимцы, либо несгибаемыми борцами, объединенными единым порывом. Разумеется, на деле в 1917 году квалифицированные рабочие, фабричные и заводские (между ними существует принципиальная разница), не проявляли ни единодушия, ни наивности. Мандель рассматривает настроения, симпатии и их динамику

в разные моменты этого года. Его исследование основано на разнообразном, ценнейшем, редком материале. Документы, донесения, воспоминания...

Единодушия у рабочих не было, зато были определенные политические пристрастия. Среди рабочих были представители почти всех политических взглядов и движений. Однако Мандель отмечает, что вскоре после Февраля (поддержанного большинством) в среде рабочих появляется разочарование в революции. Долгожданное Временное правительство не смогло улучшить положение рабочих. Напротив, новая власть продолжала относиться к промышленным рабочим не как к классу, но (как и старая) как к таким своеобразным крестьянам, не понимая и не соотнося их со своими интересами и задачами. Временное правительство стало безответственно давать обещания, даже не задумываясь об их выполнении.

Однако промышленные рабочие были уже сформированной группой, могли выступать от своего имени и отстаивать свои интересы. Большевики обладали серьезным влиянием на рабочих, но на заводах были и сторонники Учредительного собрания, неготовые к диктатуре пролетариата. 1917 год рассматривается как история совпадений самосознания рабочих и интересов политических партий. Совпадение и расхождение этих интересов и определило дальнейшую судьбу России.

Гайда Федор. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917) / Федор Гайда. - Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Распространенное мнение: революция 1917 года случайна. Набор трагических совпадений привел к масштабным последствиям. *«От ничтожной причины — к причине, / А глядишь — заплутался в пустыне, / И своих же следов не найти»*. Думать так очень комфортно: как минимум не приходится разбираться в этих самых причинах. Наверное, это реакция на советское объяснение революции.

Книга Федора Гайды рассматривает период с 1910 по 1917 год. Автор задался целью проследить отношения между властью и общественностью, которые привели к семнадцатому году. В заглавии идет речь про диалог, хотя книга, ссылаясь на тысячи источников, доказывает, что одной из причин краха империи как раз и было отсутствие диалога, его практическая невозможность.

Чехарда правительств, дум, отсутствие политической культуры как у верхов, так и у общественности стали препятствием для возможности построения полноценного общества в начале XX века. Автор отмечает замечательный (но далеко не единственный) момент: в 1915 году депутаты думы обращались к верховной власти с предложением разделить всю полноту ответственности за государство в сложный военный период истории. Эти заявления центристов были безответственным популизмом. Кризис тотального непонимания продолжался и усугублялся. Власти последовательно отдаляли всех, кто мог бы хоть как-то участвовать в наведении мостов, общественность радикализировалась и сама уже все меньше хотела диалога.

Федор Гайда скрупулезно рассматривает настроения политизированной части общества, смену мнений власти и пишет книгу о последовательном непонимании, а не просто череде случайностей. Кстати, цитата Ходасевича выше приведена неслучайно: автор к каждой главе приводит эпиграф из поэтов Серебряного века, находя в стихах отражение тотальной потери коммуникации.

Джунковский Владимир. Воспоминания (1915–1917). Т. 3. / Владимир Джунковский. - Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2016.

Третий том воспоминаний Владимира Федоровича Джунковского начинается с его отставки с места товарища министра внутренних дел и командующего Корпусом жандармов, а заканчивается полной отставкой и назначением персональной пенсии в январе 1918 года. Перед нами

прекрасно комментированный том воспоминаний. Джунковский описывает, как русская армия всего за три года теряет всяческую боеготовность и практически полностью разлагается. Начинаются эти процессы вовсе не с отречения и «дозволения младшим чинам ездить в трамваях» (оказывается, до февраля 1917 года это было запрещено), а несколько раньше. Это не вполне ожидаемый взгляд на 1917 год — глазами генерал-лейтенанта действующей армии. Кстати сказать, Джунковский пользовался заслуженным уважением своего 3-го Сибирского армейского корпуса. В сентябре солдатский комитет избирает его на должность командующего. Владимир Федорович описывает свои повседневные заботы по поддержанию корпуса, но он способен обобщать, его опыт позволяет видеть ситуацию и со стороны. Биография Джунковского необыкновенна. С 1891 года он адъютант великого князя Сергея Александровича, московского губернатора, убитого бомбой в 1905-м; затем — губернатор Москвы; в 1913 году был назначен товарищем министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов. Запретил использовать в качестве осведомителей учащихся, студентов и солдат, дабы не «развращать неокрепшие умы» политическим сыском. Вот его слова о легендарном провокаторе: «Я слишком уважал звание депутата и не мог допустить, чтобы членом Госдумы было лицо, состоящее на службе в департаменте полиции, и поэтому считал нужным принять все меры к тому, чтобы избавить от нее Малиновского». В немилость Джунковский попадает не за «излишний либерализм», а за донесения об оргиях Распутина в московском «Яре». Просится на фронт, с честью служит, не разделяя заботу о солдате и выполнение воинского долга. В 1917 году в дневниках много показного недоумения. Не уверен, что опытный царедворец в действительности так удивлялся происходящему. В описании событий, могущих стоить жизни, автор отклоняется от сухого слога, и в записках становится заметна весьма язвительная ирония. Судьба Владимира Федоровича Джунковского после революции складывается неожиданно, а некоторые моменты до сих пор не прояснены. После нескольких арестов он оказывается на свободе по личному распоряжению Дзержинского. Многие историки настаивают на его участии в организации работы ВЧК в качестве консультанта. Некоторые утверждают, что именно он разработал операцию «Трест» . Доподлинно известно, что в конце 1920-х Джунковский с органами уже не сотрудничает, работает церковным сторожем, смотрителем маяка в Крыму, дает уроки французского. Вернувшись из Крыма в Подмоскovie в 1938 году, 72-летний бывший губернатор Москвы был арестован и расстрелян.

Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания». - Москва : Политическая энциклопедия, 2015.

В книгу вошло **24 документа о 1917 годе в России**. Эти воспоминания печатаются впервые, написаны они в разных местах и в разное время, принадлежат людям с различным образованием, личным опытом, положением в обществе, идеологией. Почти все они — совершенно неизвестные очевидцы событий. Тексты структурированы по семи разделам, объединенным не сходством, а противоречием, разнонаправленной оптикой: верхи — низы, столица — периферия, фронт — тыл, свои — чужие, женщины — мужчины, взрослые — дети, город — деревня.

Составители старались избежать так называемой вторичной памяти, когда автор принимает распространенные идеологические штампы или растиражированные анекдоты за собственные воспоминания. Им предельно важно понять не эмоциональное состояние автора в момент написания мемуаров, а само ощущение 1917 года.

Составители не собираются навязывать нам единое представление, они даже не пытаются показать 1917-й во всем многообразии. Зато они дают необыкновенную возможность почувствовать очень личные ощущения людей. Представить этот год не высеченной в мраморе последовательностью официальных событий, а тысячей маленьких, иногда совершенно бытовых происшествий.

Заметно, что и время, и пространство в революционные годы перестает быть линейным (собственно, об этом прямым текстом написано во вступлении). То, что в 1910-м занимало не больше пяти минут, в 1917-м производится невероятно долго, по-другому и требует невероятного количества усилий. И «долго» здесь может равняться и часу, и году, и нескольким минутам. Нагрузка пяти минут «революционных» может равняться напряжению мирных годов. Молниеносно может быть принято решение о жизни и смерти — и мгновенно реализовано.

Автор Борис Куприянов

Лебедев, Н. В. Октябрьский детектив : к 100-летию революции / Н. В. Лебедев. - Москва : Алгоритм, 2016. - 288 с.

7 ноября 2017 года Россия отмечает особый юбилей - 100-летие Великой Октябрьской Революции, или, как часто говорят, Октябрьского переворота. О том, что это было на самом деле, каковы были движущие силы, кто и почему организовал и произвел переворот - историки, политологи, социологи спорят до сих пор. Ибо сто лет партийная номенклатура и подведомственная ей "наука" не только не проясняли этот вопрос, а, наоборот, извращали, затушевывая многие стороны истинных дел. Приближающийся юбилей является прекрасным поводом, чтобы напомнить нам всем о целях и задачах того Великого события, а также почтить память всех его реальных, а не созданных идеологами участников. А они - наши деды и прадеды. Им и посвящается эта книга.

[Источник](#)

Гефтер, М. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским / Михаил Гефтер. - Москва : Европа, 2017. - 224 с.

Эта книга **бесед политолога Глеба Павловского с выдающимся историком и философом Михаилом Гефтером (1918-1995)** посвящена **политике и метафизике Революции 1917 года**. В отличие от других великих революций, русская остановлена не была. У нее не было "термидора", и, по мысли историка, Революция все еще длится. Участник событий XX века, Гефтер относил себя к советскому "метапоколению". Он трактует историю государственного тела России как глобального по происхождению. В этом тайна безумия царя Ивана Грозного и тираноборцев "Народной воли", катастрофы революционных интеллигентов и антиреволюционера Петра Столыпина. Здесь исток харизмы и политических технологий Владимира Ульянова (Ленина). Коммунистическая революция началась в Петрограде Серебряного века и породила волну мировых последствий - от деколонизации до Гитлера и от образования антифашистской Европы до КНР Мао Цзэдуна. Но и распад СССР ее не остановил. В тайне неостановленной Революции Михаил Гефтер находил причины провала проекта российского национального государства 1990-х годов и даже симптомы фашизации.

